

В «Написании о грамоте», которое принадлежит к литературе еретиков,¹ на вопрос «коєа ради вины грамота состроена» дается ответ: «Сеа ради вины грамота состроена, яко же бог создал и благославил человека животна, плодна, словесна, разумна, смертна, ума и художества приатна, праведна и безгрешна и потом дал ему самовластие ума, смерть и живот перед очима его предложил, рекше вольное произволение хотения к добродетели или к злобе, путь откровения изяществу и невеждеству и по безгрешию».² Далее рассказывается о том, что после умножения злобы в роде человеческом бог на спасение людей привел разум к «состроению грамоты». Иван Волк Курицын, используя богословские тексты, обращается к учению о самовластии. Между седьмой и восьмой главами Номоканона приведены правила Карфагенского собора (№№ 109—116), как бы объединенные в один целостный рассказ о пелагианском учении. Отсутствие ссылок на конкретные правила и соборы может говорить о том, что Курицын не придавал этим правилам значения юридических законов. Правила, помещенные между седьмой и восьмой главами, мы условно называем «трактатом о греховности человека». Приводим из него следующий отрывок: «Иже первозданного человека глаголет и без строения греховного умрети хотяща нуждею естествоною...

«Адама убо ни смертна створи бог, ни бесмертна же, посреде величества и смирения и самовластна того сотворив, остави, яко же камо восхождеть обратитися, аще на добродетель — наследить бесмертие, аще ли на злобу — смерть да примет. Аще бо и плоть имяше тогда человек, но не такое же, яко же ныне. И се рече Григорие Богослов: «еще в кожныя ризы обещися ему единаче в доблеишую плоть и мертвену и не таковужде, яко же прежде престепления, ни дебела беаше плоть адамова, ни естество смертна беаху же». Неции глаголюще, яко мертвен и сперва создан бысть Адам и умрети хотяще, аще не бы заповедь приступил. Сего ради убо, иже глаголет, яко Адам смертен и сперва от бога создан бысть и нуждею естества, аще согреси или несогреси, умрети хотяше. И глаголет, яко младенци не во оставление грехов крещаютъ, яко ничто же от адамова прародительнаго греха имуще. И о сем ясно апостолу вопиющу, яко единого ради человека грех во весь мир вниде и греха ради смерть. Или паки мудрствует некто, яко крещение убо первым грехом дает отпущение, помощи же не дает к тому не согрешати. Но токмо от нашего потщания се исправляется. Аще ли убо кто и се приемлет и благодать божию славит укрепляюще нас на творение заповедей, учит же, яко и кроме благодати божия исправити заповеди его может, обаче со трудом, да будет проклят. Не рече бо господь, яко без мене со трудом можете створити сие, но рече, яко без мене не можете творити ничто же».³

Можно предполагать, что Иван Волк Курицын, вслед за пелагианами, мог сомневаться в исконной греховности человеческого рода и мог считать факт первого грехопадения, из-за которого страдает человеческий род, величайшей нелепостью. Самовластие человека является причиной добрых и злых (греховных) дел в мире. Человеку вовсе не обязательно грешить. Разум его отличит хорошее от дурного, вера оградит душу от плохого, а добрая воля поможет совершить хорошие дела. Посредническая роль церкви в этом случае становится ненужной.

¹ Исследовано как памятник идеологический А. И. Клибановым. Издано Ягичем и Шахматовым в «Исследованиях по русскому языку» (т. 1, СПб., 1885, стр. 648—673).

² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Сб. «Исследования по русскому языку», т. 1, СПб., 1885—1895, стр. 651.

³ Кормчая Ивана Волка Курицына, лл. 97 об.—99.